

БОРЬБА ДЕРЖАВ ЗА БАЛКАНЫ И ПРОЛИВЫ В КОНЦЕ XIX ВЕКА *

(Германская дипломатия и антирусская политика Австро-Венгрии
и Англии на Балканах)

А. Ерусалимский

В мае 1897 г. истек срок союзного договора между Германией, Австро-Венгрией и Италией, но уже задолго до этого между участниками Тройственного союза начались переговоры об условиях его возобновления. Более полутора десятка лет прошло с тех пор, как князь Бисмарк и граф Андраши, связав Германию и Австро-Венгрию узлами тесного военно-политического союза, заложили основы тройственной коалиции держав, и за это время и в общей политике, и во взаимоотношениях этих держав произошли немалые изменения. Наряду со старыми тенденциями в области внешней политики, отодвинутыми жизнью на задний план, но вовсе не устранёнными, появились новые тенденции и новые задачи, порождаемые новыми условиями империалистского развития.

Германский капитал, устремивший свою экспансию в сторону соседней и союзной центрально-европейской империи Габсбургов, быстро овладел там довольно серьёзными экономическими позициями. Через пятнадцать лет после заключения союза Австро-Венгрия оказалась покрытой густой сетью германских торговых фирм или их филиалов, и количество их росло с каждым годом. На территории Габсбургской монархии не было к этому времени ни одной сколько-нибудь крупной железнодорожной компании, в которой германский капитал не принимал бы участия. Кроме того значительные германские капиталы были инвестированы в австрийскую и венгерскую промышленность, в угольные копи Далмации, а в особенности в горную промышленность Северной Чехии — область, пограничную с Германией. Германский капитал, инвестированный в Австро-Венгрию, исчислялся к этому времени в общей сумме, далеко превышавшей миллиард марок. Ещё в 60-х годах XIX века почти вся внешняя финансовая задолженность Габсбургской империи находилась в руках Франции и Голландии. В середине 90-х годов она уже наполовину перешла в руки германских банков. Наконец, следует отметить, что многие представители германской аристократии и plutократии являлись или стали владельцами огромных поместий и лесных массивов в Австро-Венгрии (общим размером свыше 200 тыс. га). Стоимость одних только угодьев в венгерской части империи, находившихся в германских руках, исчислялась в сумме 100 млн. марок¹. Всё же в совокупности это ещё вовсе не означало полной германской экономической гегемонии в Австро-Венгрии. Ни торгово-промышленные и финансовые интересы Австрии, которые искали выход на Балканах, ни, тем более, аграрные интересы Венгрии в то время далеко ещё не были полностью подчинены германскому влиянию. Но рост этого влияния был налицо, и это не могло не иметь для обеих держав и внешнеполитических последствий. Правящие классы

* Настоящая статья является частью главы из подготовленной монографии «История внешней политики и дипломатии германского империализма (начало англо-германского соперничества)».

¹ Die Entwicklung der deutschen Seeinteressen im letzten Jahrhundert. Zusammenge stellt im Reichs-Marine-Amt. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, 1905/1906. 2. Anlagsband. Aktenstück № 67, S. 1708.

Австро-Венгрии продолжали преследовать свои собственные интересы, которые не всегда совпадали с германскими, не всегда подчинялись им, а в некоторых вопросах даже расходились с ними. С другой стороны, германский империализм и его дипломатия стремились использовать своё возросшее в Австро-Венгрии экономическое влияние и для достижения политических целей. Несколько десятков лет назад Пруссия противилась таможенному объединению с Австрией, понимая, что в конечном счёте это повлечёт за собой потерю её главенствующей роли в Германии. К середине 90-х годов, когда основы империализма в Германии уже сложились, стало заметно движение в пользу такого объединения.

Глашатаем этого объединения выступил пангерманский союз. Его пропаганда сначала как будто не соответствовала курсу правительственной политики. В то время как германское правительство ещё не прекратило таможенной войны с Австро-Венгрией, пангерманские организации уже начали требовать её экономического поглощения. В то время как германское правительство возобновляло союзный договор с Австро-Венгрией, пангерманские организации, не стесняясь, уже требовали установления над Австро-Венгрией политического господства и превращения её в колониальный хинтерланд. «В Германии... слишком много князей, в Австрии слишком много народов», «Австрия нуждается в германских колонистах, а Германия нуждается в колонизации Австрии», «Австрия нуждается в господствующей расе, а господствовать в Австрии могут только германцы» — эти и подобные политические афоризмы, рождённые в кругах пангерманского союза, уже получили своё хождение². В широко распространяемых анонимных памфлетах эти круги высказывали требования в пользу политической аннексии Австрии, и притом не в отдалённом будущем, а немедленно. В этом они видели начало создания «Великогермании» и «Срединной Европы»³ — от Северного моря до балканского предгорья и от Прибалтики до Адриатики. Выдвигая на первый план идею «германизма», они открыто выступали против славян, третируя их как «балласт истории», который мешает осуществлению немецких захватнических планов в Центральной Европе. Это были планы крайне империалистического характера. Когда Бисмарк, прусского юнкера, однажды спросили, согласился ли бы он присоединить австрийские земли к Германии, он ответил: «Я заверяю, что если бы завтра мне предложили Верхнюю и Нижнюю Австрию, я отклонил бы это предложение. Они слишком далеки от нас. Если бы Прага и Вена могли поменяться местами, я не сказал бы нет»⁴. Таким образом, для Бисмарка на пути к поглощению Австрии камнем преткновения был чешский народ, и Бисмарк считался с этим. Его вполне устраивал австро-венгерский дуализм, как политическая система, которая, подавляя славянское движение в Габсбургской империи, обеспечивала ему союз с ней. Но пангерманские империалисты не ограничивались этими возможностями. Они считали нужным и необходимым полностью устранить это препятствие — чешский и другие славянские народы — на путях к подчинению Австрии и созданию в Центральной Европе великогерманской империи: все славяне «ненавидят нас, потому, что они знают, что наша жизнь несёт им смерть»⁵.

Таковы были первые ростки каннибальской идеологии пангерманизма, принесшие в будущем столь пышные и столь зловещие всходы. Германские правящие и правительственные круги не остались к ним вовсе безучастными. Они не только не вступили в борьбу против

² См. брошюру пангерманца с французской фамилией Paul de Lagarde «Deutsche Schriften». 1892.

³ См., например, нашумевшую брошюру анонимного автора «Grossdeutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950».

⁴ Цит. по André Cheradame «L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siècle», p. 63.

⁵ Paul de Lagarde. Op. cit.

идей «германизации» Австро-Венгрии и в особенности её славянских земель, но и сами стали, сначала, правда, осторожно, но затем всё более смело, опираться на эти идеи в политической борьбе за влияние в Центральной Европе.

Продолжая использование соперничества между венгерской и австрийской частями Габсбургской империи,— соперничество, которое не затухало, несмотря на объединяющую их вражду к славянскому элементу, германские правящие круги уже в это время стали более непосредственно вмешиваться в борьбу многочисленных партий Австро-Венгрии. Среди них они стремились сколотить ядро, которое могло бы оказать нужное им влияние на политический курс венского кабинета. Постепенно в их руках оказались два новых рычага, которые, несмотря на различие методов, в конечном итоге служили общим целям германского империализма. В Австрии то была так называемая «немецкая партия» — антиславянская, антисемитская и антикатолическая одновременно. Её лидер Шенерер, тесно связанный с пангерманским союзом, являлся наиболее ярким проповедником идей «германизма». Уличная агитация Шенерера, крикливая и демагогическая, производила известное впечатление, однако, далеко не соответствовавшее сравнительно мало значительному удельному весу представляемого им политического движения. Это движение выросло на австрийской почве, но его подпочвенные корни получали питание исключительно из Германии⁶. Оттуда притекали материальные средства, там черпались и «идеи».

Гораздо более политически значительными и многообещающими оказались возможности использования другого рычага — в самой Германии. Правительственные круги с удовлетворением могли заметить, как быстро и успешно идеи «германизма» распространялись среди верхушечных кругов немецких католиков. После неудачи бисмарковского культуркампа политическое влияние этих кругов усилилось, и германскому империализму было крайне важно получить их поддержку. Старые партикуляристские настроения среди этих элементов, против которых обрушился в своё время Бисмарк, значительно ослабли. Они начали сменяться новыми настроениями — в пользу утверждения и расширения мощи германской империи. Эти идеи нашли распространение среди некоторых князей церкви, которые, почуяв дух времени и приспособляясь к нему, стали склоняться к поддержке империалистской политики правительства.

Германское правительство было заинтересовано в том, чтобы использовать влияние католической церкви в вопросах внешней политики. В то же время оно старалось использовать в Австрии и антикатолическое движение. Шенерер, тесно связанный с пангерманским союзом, пытался придать этому движению массовый и политический характер. Его пароль «Los von Rom» («Отход от Рима»), т. е. от Ватикана, должен был означать присоединение к Берлину. Вскоре, однако, это искусственно созданное движение утихло, не получив того значения, на которое его инициаторы рассчитывали. Но сближение между империализмом и католицизмом в самой Германии усилилось и вскоре превратилось в существенный фактор внутренней и внешней политики империи. Бисмарковский союз с Австро-Венгрией пользовался поддержкой со стороны всех юнкерских и буржуазных политических партий, и даже социал-демократы считали нужным укреплять его, поскольку видели в нём опору в борьбе против царской России. Они не замечали или не хотели замечать, что под флагом укрепления этого союза, оборонительного по форме и

⁶ В 1897 г. в Мюнхене был основан Odin-Verein, пангерманская организация, деятельность которой ограничивалась пределами Австрии. Её орган «Kampfblatt für die Alldeutsche Bewegung» вёл исключительно антиславянскую пропаганду. Ещё раньше пангерманцы стали проводить свою работу в Австрии, используя протестантские конфессиональные организации Gustav-Adolf-Verein (основан в 1894 г.), Evangelischer Bund и др.

агрессивного по существу, стали оформляться новые тенденции — чисто империалистического характера. Если в Австро-Венгрии эти тенденции проявлялись в отношении Балканского полуострова, то во внешней политике Германии они проявлялись в отношении самой Австро-Венгрии. В этот период, когда в Германии уже окончательно сложилась система финансового капитала и империализма, началась борьба за его преобладающее экономическое и политическое влияние и в пределах Габсбургской империи. Однако правящие классы в Австро-Венгрии не могли и не хотели отказаться от своих собственных интересов в области внешней политики. В пределах существовавшего Тройственного союза они отстаивали эти интересы и стремились сохранить ту великодержавную самостоятельность, к которой они привыкли на протяжении столетий. Старые тенденции австро-прусского соперничества отодвинулись назад, но они вовсе не исчезли; в области дипломатических отношений большее выражение нашли новые тенденции империалистического характера.

Двуединая монархия Габсбургов, державшаяся на известном равновесии политических интересов австрийской буржуазии и венгерской крупной земельной аристократии, вступила в полосу глубокого внутреннего кризиса в связи с тем, что классовая борьба среди господствующих национальных элементов и политическая борьба между социальными верхушками этих элементов за влияние в монархии осложнились ростом демократического движения славянских народов в Чехии и в особенности в южных областях страны, граничащих с Сербией и со славянскими областями Турецкой империи. Это национально-демократическое движение, охватившее большую часть 17-миллионного славянского населения Австро-Венгрии, превратилось в серьёзный фактор внутренней и внешней политики двуединой монархии. Оно тревожило и правящие классы Германии, которые понимали, что этот фактор при дальнейшем усилении своего удельного веса в сложном национальном и социальном конгломерате Австро-Венгрии может изменить политический курс монархии в сторону, не соответствующую их интересам. Поэтому австро-венгерская дипломатия не раз заверяла своих германских союзников, что «увеличение южно-славянского элемента нежелательно с точки зрения сохранения равновесия в Австро-Венгерской монархии»⁷. Заинтересованные в подавлении демократического движения славянских народов, правящие классы двуединой монархии в то время крайне опасались, что увеличение за счёт присоединения новых южно-славянских областей усилит это движение в стране и создаст непосредственную угрозу их господству. К этому присоединялись ещё особые интересы наиболее влиятельных в монархии элементов. Крупные венгерские аграрии, уже испытывая на внутреннем рынке конкуренцию польских и чешских аграриев, стремились укрепить таможенную стену, которая обеспечивала им преобладающее влияние на этом рынке и избавляла от конкуренции дешёвого сырья, производимого в славянских областях на Балканах. Присоединение же новых аграрных областей со славянским населением подорвало бы эту стену и лишило бы венгерских помещиков возможности диктовать в пределах всей империи высокие цены на сельскохозяйственные продукты. Можно было бы сказать, что венгерские аграрии были заинтересованы в экономической изоляции от соседних стран Балканского полуострова, если бы они не продолжали борьбу за обеспечение путей своего сельскохозяйственного экспорта через Дунай и в особенности через Салоники. Венгерские магнаты становились тем большими врагами национального движения

⁷ Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes, Berlin (далее сокращённо G. P.). Bd. XII, I, Teil, № 2886. Маршалл — Эйленбургу, 4 февраля 1896 года.

южных славян, внутри и за пределами монархии, что они знали о появившихся среди некоторых кругов старой австрийской аристократии проектах привлечения славянского элемента в качестве новой опоры монархии: они видели в этом угрозу своему влиянию в стране. Австрийская буржуазия — промышленная, финансовая и торговая, не в меньшей степени, чем венгерские магнаты, была политически заинтересована в том, чтобы не допустить в монархии усиления славянских народов и их демократического движения. К тому же она нуждалась в балканских странах как в сфере экономической экспансии. После того как она утратила своё влияние на итальянском рынке, славянские страны на Балканах, а также европейская часть Турции, в значительной степени населённая славянскими народами, стали главным рынком сбыта её товаров и отчасти приложения её капиталов. Так складывались основные интересы Австро-Венгерской монархии на Балканах: «экономическая гегемония без политической аннексии»⁸.

Успех в осуществлении этих интересов был бы обеспечен, если бы Австро-Венгрии удалось установить на Балканах и своё преобладающее политическое влияние. С другой стороны, её политический контроль над южно-славянскими государствами облегчил бы и борьбу против пробудившихся к жизни славянских народов внутри самой Габсбургской монархии.

Между тем как раз в тот период, в середине 90-х годов XIX в., влияние Австро-Венгрии на Балканах пошатнулось. Её почти безраздельному политическому господству в Болгарии пришёл конец, а это повлекло за собой и потери экономического характера. В Сербии экономическое влияние австрийской буржуазии к этому времени не уменьшилось и даже, пожалуй, увеличилось. Но зато политический протекторат монархии Габсбургов, продержавшийся там в течение десяти лет, фактически после падения князя Милана окончился. Таким образом, политическое влияние Австро-Венгрии в этих двух славянских странах перестало быть доминирующим⁹, оно падало соответственно усилению влияния России. В августе 1895 г. австрийский император Франц-Иосиф, встревоженный положением, создавшимся на Балканах, заявил германскому послу в Вене графу Эйленбергу: «Я никогда не потерплю, чтобы Россия одна наложила свою руку на Болгарию»¹⁰. «И что же?» — отозвался на это Вильгельм. Австро-венгерский министр иностранных дел граф Голуховский даже в беседах с русскими дипломатами не скрывал, что в своей политике он будет придерживаться решительного антирусского курса. Он пытался использовать для этого положение, создавшееся в Турции.

Огромная Турецкая империя переживала ещё более глубокий внутренний кризис, чем тот, который подтачивал многонациональное государство Габсбургов. Чтобы задержать процесс распада своей империи, а главное, чтобы удержать власть в своих руках, султан Абдул-Гамид вёл постоянную кровавую игру большого масштаба, натравливая друг против друга населявшие Турцию народы различной национальной и религиозной принадлежности. В середине 90-х годов жертвой этой игры жестокого деспота снова стал армянский народ, проживавший компактными массами в Малой Азии, в особенности в её восточной части, и в столице Турции. Летом 1894 г. турецкие власти организовали резню армянского населения в Сасуне, а в сентябре следующего года они превзошли

⁸ Хвостов В. Ближневосточный кризис 1895—1897 годов. «Историк-марксист» № 13, Москва, стр. 40. 1929 г.

⁹ Германский канцлер Гогенлоэ отмечал, что деятельность австро-венгерских финансовых институтов в Сербии и в Болгарии, в особенности *Länderbank'a*, имела обратные политические результаты: она не способствовала увеличению симпатий в этих странах к Австро-Венгрии. См. G. P. Bd. XI, № 2676. Гогенлоэ — Эйленбергу, 5 марта 1896 года.

¹⁰ Fürst Chlodwig zu Hohenlohe — Schillingsfürst. *Denkwürdigkeiten der Reichkanzlerzeit*. S. 113. Herausgegeben von Karl Alexander von müller, Stuttgart, Berlin 1931

самих себя в организации кровавых погромов в Эрзеруме, Трапезунде, Битлисе, Харпуге, Диарбекире и в других местах. Особенно свирепствовали они в Урфе, где три тысячи армян — мужчин, женщин и детей — были заперты в местной церкви и там сожжены.

Общественное мнение в Европе и даже в США, возмущённое турецкими зверствами, требовало принятия мер к спасению многострадающего армянского народа, но правительства великих держав не стеснялись использовать судьбу армян как один из предметов постыдного дипломатического торга в борьбе за возможный раздел наследства «больного человека». Абдул-Гамид имел возможность продолжать свою кровавую политику, играя на противоречиях между великими державами, главным образом между Англией и Россией. Больше всего он опасался соглашения между этими двумя соперничавшими державами, понимая, что такое соглашение могло бы привести к разделу его обширных владений.

Германское правительство также крайне опасалось англо-русского соглашения, но совсем по другим причинам. Старый Гогенлоэ в узком кругу признавался, что его совсем не интересует, сколько тысяч армян ещё вырежут турки. В гораздо большей степени его интересовало другое: как бы в связи с армянским вопросом Англия не заключила соглашения с Россией, предоставив последней проливы, а себе забрав Египет¹¹.

Не в меньшей степени этот вопрос волновал и правящую верхушку Австро-Венгрии, для которой англо-русское соглашение по делам Ближнего Востока означало бы полный крах её политики. В беседе с Филиппом Эйленбургом, личным другом и советником Вильгельма, австрийский император также признавался, что судьба армян его не очень-то беспокоит и что в гораздо большей степени его тревожит усиление симпатий к России со стороны славянского населения балканских стран¹². Но больше всего правящая верхушка в Вене опасалась, что Россия, решив активно выступить в защиту армян, займёт Константинополь и, таким образом, обеспечит свои интересы в проливах. «Австрия, — говорил Голуховский, — не может потерпеть Россию в Константинополе, ибо тотчас же балканские государства, особенно Болгария, кристаллизуются вокруг этого нового центра»¹³. Он считал, что такой ход событий будет иметь для двуединой монархии самые катастрофические последствия. Из страха он приписывал России несуществующие планы окружения Австро-Венгрии «от Кракова до Катарро» и доказывал своим германским союзникам, что претворение этих планов в жизнь создаст непосредственную угрозу не только экономическим интересам Австро-Венгрии на Балканах, но и самым основам существования монархии Габсбургов, а следовательно, и всему Тройственному союзу¹⁴. Он всячески раздувал «русскую опасность», стремясь таким образом заручиться поддержкой Германии в борьбе против России.

Чтобы противодействовать политике России и росту национального движения славянских народов, Голуховский выдвинул принцип поддержания статус кво на Балканах. Это выглядело так, что Австро-Венгрия заранее отказывалась от всяких территориальных компенсаций, которыми она могла бы вознаградить себя в случае распада Турецкой империи. На самом деле это был вынужденный отказ, поскольку правящие круги монархии Габсбургов в тот период больше всего боялись присоединения новых территорий со славянским населением, понимая, что это послужило бы новым толчком для демократического движения славянских народов и вызвало бы серьёзные пертурбации в двуединой монархии. Голуховский говорил так: компенсации — это «начало конца»¹⁵.

¹¹ Ibidem.

¹² G. P. Bd. X. № 2500. Эйленбург — Вильгельму II, 10 ноября 1895 года.

¹³ Ibidem, № 2497. Эйленбург — Гогенлоэ, 8 ноября 1895 года.

¹⁴ Ibidem, № 2490. Лихновский — Гогенлоэ, 28 октября 1895 года.

¹⁵ Ibidem, № 2501. Гогенлоэ — Эйленбургу, 11 ноября 1895 года.

Но что же в таком случае представлял собой выдвинутый им принцип статус кво? Меньше всего он означал отказ от агрессивной политики. Наоборот, по существу, он знаменовал собою даже усиление этой политики, но в несколько других формах. Франц-Иосиф в интимных беседах с Эйленбургом развивал мысль, что Австро-Венгрия, равно как и Германия, заинтересована в сохранении власти Турецкой империи на Балканах, т. е. в поддержании кровавого господства Абдул-Гамида над его славянскими и христианскими подданными. Габсбургской монархии выгодно было, чтобы варварская Турецкая империя продолжала держаться в узде населявшие её славянские народы: это облегчало Австро-Венгрии борьбу против славянского движения у себя и вместе с тем помогало укреплять и расширять свои позиции на Балканах, проводя политику молчаливого заговора между Австро-Венгрией и Турцией против национального и демократического движения южных славян. Голуховский стремился вовлечь в неё и более мощные силы. Поскольку центром притяжения политических симпатий южно-славянских народов оставалась Россия и поскольку политическое влияние России усилилось, он придал своей агрессивной политике резко выраженное антирусское остриё. В поисках поддержки он начал стучаться в германские, а вслед за тем и в английские двери. В беседах с представителями немецкой дипломатии он доказывал, что общая антирусская и антиславянская политика Германии и Австро-Венгрии будет способствовать укреплению всего Тройственного союза. «Разделение наших политических интересов, — говорил он им, — уже потому невысказано, что любое ослабление одного из участников союза должно повредить и другому. Поэтому Восток касается вас так же, как и нас»¹⁶.

Однако даже Вильгельм понял, что настоячивые приглашения Голуховского показав миру совпадение политических интересов держав Тройственного союза есть не что иное, как попытка вовлечь Германию в фарватер австро-венгерской политики на Балканах. Опасаясь, что этот путь может привести Германию к прямому столкновению с Россией, Вильгельм решил, что нужно уклониться от этих приглашений. В этом вопросе за ним последовал и руководитель иностранного ведомства Маршалл фон Биберштейн. «Тройственный союз, — поучал он австро-венгерского посла Сегени, — вовсе не является смиренной рубашкой, ограничивающей или устраняющей свободу движения его членов. Каждое государство имеет свои специальные интересы»¹⁷.

Между тем интересы германского империализма и, следовательно, внимание его дипломатии были в этот момент сосредоточены в Африке (трансваальский вопрос), а не на Балканах, и никакие усилия и увещания австро-венгерской дипломатии не могли изменить этого положения вещей. Маршалл дал это понять Сегени со всей резкостью и определённо. «Вопрос о том, — сказал он ему, — будут ли русские или турки занимать Константинополь, будет ли Болгария в большей или меньшей степени находиться в русском фарватере, нас мало интересует». В этой связи он даже повторил старую бисмарковскую фразу о том, что весь восточный вопрос не стоит костей померанского гренадера. Что касается австро-венгерской союзницы, то свою политику на Балканах она может вести так, как ей заблагорассудится. «Это — не наше дело»¹⁸, — заключил он. Голуховский получил отказ ясный и категоричский. В то же время граф Эйленбург, германский посол в Вене, предупредил Голуховского, что Германия ни при каких условиях не поддержит Австро-Венгрию, если та вздумает из-за проливов вступить в военное столкновение с Россией. Он действовал так, заручившись согласием Виль-

¹⁶ С. Р. Bd. X. № 2491. Лихновский — Гогенлоэ, 30 октября 1895 года.

¹⁷ Ibidem, № 2494. Записка Маршалла, 4 ноября 1895 года.

¹⁸ Ibidem.

гельма. Занятая им по этому вопросу позиция свидетельствовала о стремлении теснее сблизиться с Россией. Это тотчас вызвало решительное сопротивление Гольштейна, который к этому времени фактически был самым влиятельным человеком в германском ведомстве иностранных дел.

В начале ноября во французской прессе появились разоблачения, будто германское правительство, стремясь заручиться поддержкой России, предложило последней заключить секретный договор, фактически ликвидировавший обязательства Германии поддержать Австро-Венгрию в случае её военного столкновения с Россией. Любопытно отметить, что Гольштейн, который обычно располагал секретной и даже интимной информацией, не считал это сообщение ложным. Наоборот, он утверждал, что Вильгельм действительно что-то подобное передал в Петербург¹⁹. Он увидел в этом происки «поэтов и дилетантов» — так он называл Вильгельма и его небольшой придворный кружок, душой которого был «Фили» (Филипп Эйленбург), грешивший плохими балладами и новеллами²⁰.

Во всей этой тёмной истории можно считать бесспорным то, что Вильгельм, идя на обострение отношений с Англией, искал сближения с Россией, обещая удовлетворить её интересы в тех вопросах, в которых германский империализм сам ещё не был непосредственно заинтересован. Русские документы подтверждают, что Вильгельм действительно делал петербургскому правительству далеко идущие предложения. «Почему вы не возьмёте Константинополь? — сказал он русскому министру иностранных дел Лобанову-Ростовскому. — Я со своей стороны не сделаю на этот счёт ни одного возражения»²¹.

В начале ноября, когда австро-венгерское правительство, уже решившее использовать армянский вопрос для развёртывания своей политики против России, обратилось за поддержкой в Берлин, Вильгельм в беседе с австро-венгерским послом Сцегени не скрыл ни своего сильного раздражения против Англии, ни даже своей готовности поддержать Россию, если она вступит в Константинополь. Чтобы утешить свою союзницу, Вильгельм предложил и ей взять себе соответствующий «эквивалент». Во всяком случае, он дал понять, что не будет поддерживать Австро-Венгрию, если она вступит в военное столкновение с Россией²².

Гольштейн был крайне недоволен этим заявлением кайзера, однако, вовсе не потому, что считал нужным поддерживать политику Голуховского на Балканах. Заявление кайзера, слишком категорическое, могло создать в Вене впечатление, будто Германия уже решила взять определённый крен в сторону сближения с Россией, — и тогда, — считал Гольштейн, — «Тройственному союзу конец». Чтобы предотвратить это, он разработал план действий, который и решил претворить в жизнь. «Теперь, — писал он 12 ноября 1895 г., — я сижу совершенно спокойно и наблюдаю за тем, что показывает погода, в большом и малом; я полон решимости сделать всё, что в моих силах, и не допущу, чтобы поэты и дилетанты взорвали Тройственный союз, в то время, как франко-русский союз продолжает своё существование»²³. Таким образом, Гольштейн решил начать закулисную борьбу против кайзера и его ближайшего окружения. Но он мог действовать только при поддержке рейхсканцлера. Эту поддержку он получил.

Как и Гольштейн, Гогенлоэ был очень озабочен тем, что линия Виль-

¹⁹ Hohenlohe. Op. cit., S. 120.

²⁰ Автор апологетической биографии Эйленбурга считает, что как раз в это время, в конце 1895 г., и началась борьба между Гольштейном и Эйленбургом. См. Müller-Heber R. C. «Philipp Eulenburg. Sein Leben und seine Zeit», S. 407. Leipzig. 1930.

²¹ Хвостов В. Указ. соч., стр. 48.

²² Hohenlohe. Op. cit., S. 118.

²³ Ibidem, S. 120.

гельма и Эйленбурга может оттолкнуть Австро-Венгрию и заставить её искать новых путей внешней политики вне рамок, установленных союзом с Германией. Гольштейн считал, и Гогенлоэ согласился с ним, что, пока Россия не разорвала или хотя бы не ослабила своих союзных уз с Францией, перспектива отхода Австро-Венгрии от Германии чрезвычайно опасна: если Тройственный союз распадётся, Германия останется полностью изолированной, а в случае войны ей придётся одной вести борьбу на два фронта. Между тем в Австрии усилилось движение в пользу отхода от политики Тройственного союза — против Италии и против Германии, в сторону соглашения с Россией. Некоторые круги высшей аристократии и бюрократии готовы были признать, что «Россия благодаря всё развивающейся торговле нуждается в Дарданеллах», и хотели бы вместе с нею и с Германией возродить Союз трёх императоров. Они были противниками сближения с Англией, а в особенности союза с Италией. Близкий к этим кругам граф Волькенштейн, австро-венгерский посол в Париже, считал идею соглашения с Англией «сумасшествием»; их главная цель заключалась в том, чтобы разорвать союз с Италией и, опираясь на Союз трёх императоров, захватить те её земли, над которыми ранее господствовала Австрия²⁴. Но существовало в Австрии и другое течение, также в пользу соглашения с Россией, однако не совместно с Германией, а за её спиной и даже против неё. Гольштейн и Гогенлоэ считали его особенно опасным для Германии. Влиятельные сторонники этого течения, представители высших австрийских придворных кругов, мечтали о том, чтобы уничтожить равноправное положение венгерского элемента в монархии и начать старую борьбу против Пруссии за влияние в католических землях Южной Германии. Они мечтали о реванше за поражение, которое им нанесла Пруссия в 1866 году. Для достижения этой цели они готовы были путём некоторых уступок привлечь на свою сторону славянское население монархии — не поляков, которые обычно блокировались с венграми, а чехов и южных славян, — а в области внешних отношений они готовы были отказаться от активной политики на Балканах, искать союза с Россией, а также с католической Францией против Пруссии — Германии²⁵. Крах политики Родуховского усилил бы эти оппозиционные ему течения, победа которых означала бы и крах всей комбинации Тройственного союза.

Гольштейн и Гогенлоэ считали эту опасность реальной, во всяком случае настолько, чтобы запугать ею Вильгельма. Чтобы удержать Австро-Венгрию в составе Тройственного союза, нужно было в какой-то степени поддерживать австро-венгерскую политику Голуховского на Балканах. Между тем Эйленбург и Вильгельм заранее отказывали в этой поддержке при любых обстоятельствах. Когда Эйленбург заявил об этом в Вене, Голуховский злобно ответил, что пока он остаётся министром, Австро-Венгрия ни при каких обстоятельствах не откажется от своей политики в проливах²⁶. Отношения между союзниками сильно обострились. По требованию Гольштейна рейсканцлер убедил кайзера в том, что создавшееся положение может стать опасным, поскольку оно усиливает в Австрии позиции противников Тройственного союза. Было решено послать Эйленбургу инструкцию действовать в Вене так, чтобы по возможности замазать трещины, обнаруживавшиеся в австро-германском союзе. Предостерегая против войны с Россией (тем более, что Россия воевать не собиралась), Эйленбург должен был заявить Голуховскому, что Германия не оставит Австро-Венгрию на произвол судьбы, если появится угроза её положению как великой державы²⁷. Этого было достаточно, чтобы

²⁴ G. P. Bd. X, № 2499. Эйленбург — Гогенлоэ, 10 ноября 1895 года.

²⁵ Hohenlohe. Op. cit., S. 122; см. G. P. Bd. X, № 2501. Гогенлоэ — Эйленбургу, 11 ноября 1895 года.

²⁶ G. P. Bd. X, № 2497. Эйленбург — Гогенлоэ, 8 ноября 1895 года.

²⁷ Ibidem, № 2501. Гогенлоэ — Эйленбургу, 11 ноября 1895 года.

несколько успокоить Голуховского, и в то же время не давало ему определённых гарантий со стороны Германии на случай войны Австро-Венгрии против России.

В этой позиции, занятой германской дипломатией, сильно сказывались и интересы империалистского характера, пока ещё не на Ближнем Востоке, а в Африке. Германские империалистские круги учитывали, что, сталкиваясь с Англией в Африке, нельзя одновременно ссориться с Россией, а нужно искать пути к сближению с ней. Но Гольштейн настаивал на том, чтобы Германия заранее установила для себя пределы этого сближения и не переступила их, соглашаясь на такие уступки, которые подорвали бы основы Тройственного союза. Это прежде всего относилось к ближневосточной политике, где в случае явной поддержки России Германия оттолкнула бы от себя своих союзников — Австро-Венгрию, а также и Италию. «В Восточной Азии, — считал Гольштейн, — другое дело, — это к Тройственному союзу не имеет отношения»²⁸. В его голове уже созревали планы активной дипломатической поддержки России на Дальнем Востоке с тем, чтобы столкнуть её там с Англией. Гораздо сложнее было положение на Ближнем Востоке, где Россия имела против себя обоих германских союзников, активная поддержка которых могла бы вовлечь Германию в войну против России, а возможно, и против Франции одновременно.

Положение осложнялось ещё и тем, что как раз в это время, в начале ноября 1895 г., австро-венгерская дипломатия стала искать тесного сближения с Англией в надежде заручиться её активной поддержкой против России. Английский премьер Солсбери создавал в Вене впечатление, будто он также стоит за сохранение статус-кво на Балканах и за тесное сближение с Тройственным союзом. Голуховский добивался, чтобы Англия дала Австро-Венгрии определённые гарантии на случай, если восточный вопрос вступит в критическую стадию. Солсбери, однако, уклонился от этого, ссылаясь на то, что «общественное мнение Англии не разрешает правительству давать какие-либо обязательства другому государству на случай войны». Но, чтобы поддержать надежды Голуховского на военную помощь Англии, он добавил, что если Россия появится в Константинополе, это вызовет такую бурю в английском «общественном мнении», что правительство должно будет действовать²⁹.

В Берлине знали об англо-австрийских переговорах и относились к ним двойственно, то с одобрением, то с недоверием. Германская дипломатия хотела бы через посредство Голуховского прощупать планы Англии: собирается ли Солсбери искать соглашения с Россией или, наоборот, бороться с ней. Вместе с тем германскую дипломатию не покидали опасения — и не без основания, — что английская дипломатия, всегда сколько-то эластичная и с друзьями и с недругами, сможет использовать Австро-Венгрию, втравит её в конфликт с Россией, а затем заставит Германию расхлёбывать заваренную ею кашу, сама же останется в стороне. В те дни в политических и финансовых кругах Берлина ожидали серьёзного конфликта между Англией и Россией и опасались, что и Германия может быть втянута в него. На бирже было беспокойно. Германская пресса раздувала англо-русские противоречия, но в то же время, обращаясь к торгово-промышленным дельцам и финансистам, успокаивала их³⁰. В начале ноября Маршалл заявил австро-венгерскому послу Сцегени: «Австро-русская война из-за Востока, при условии, что Англия останется зрителем, будет не чем иным, как выполнением старой английской программы, согласно которой Англия ведёт свои войны руками других государств. На это мы не пойдём»³¹. С этим согласен был и кай-

²⁸ Hohenlohe. Op. cit., S. 119.

²⁹ G. P. Bd. X, № 2493. Гатцфельд — Гогенлоэ, 2 ноября 1895 года.

³⁰ См., например, «Börsen-Curier» 31 октября 1895 г. — «Ein kalter Wasserstrahl».

³¹ G. P. Bd. X, № 2494. Записка Маршалла, 4 ноября 1895 года.

зер; для него это было дополнительным аргументом заставить Австро-Венгрию не ввязываться в конфликт с Россией и даже искать соглашения с ней. Но о последнем Голуховский и слышать не хотел. Убедённый в том, что интересы Англии совпадают с интересами Австро-Венгрии на Балканах, он вместе с ненавистными ему итальянскими союзниками начал в Лондоне переговоры о возобновлении и укреплении Средиземноморской Антанты.

Когда переговоры в Лондоне, казалось, несколько продвинулись вперёд, Гольштейн пришёл к выводу, что следует воспользоваться ими в германских интересах. По его настоянию, кайзер 13 ноября 1895 г. заявил австрийскому послу, что «Германия будет предостерегать Австро-Венгрию от вооружённого конфликта с Россией до тех пор, пока Англия твёрдо себя не ангажирует», однако, Австро-Венгрия может рассчитывать на германскую поддержку, если без провокации с её стороны её положение как великой державы окажется под угрозой»³².

Узнав об этом, Голуховский стал рассыпаться в благодарностях по адресу Германии и в заверениях, что ни о каких провокациях он и не помышляет³³. На самом деле, обещания кайзера стоили немногого: кайзер сам считал, что он ничего нового не сказал своим австрийским союзникам, и это действительно было так, поскольку решение вопроса о том, имеется ли угроза Австро-Венгрии как великой державе, оставалось за Германией. Но Гольштейн достиг своей цели: германское правительство, по его выражению, «перебросило мост через обрыв, существовавший между кабинетами в Берлине и Вене»³⁴, и вместе с тем дало санкцию на переговоры, которые Голуховский вёл с Англией. Если бы удалось воспользоваться мостом, который Голуховский прокладывал между Веней и Лондоном, и заставить Англию втянуться в конфликт с Россией, — за это можно было бы заплатить открытой поддержкой австро-венгерской агрессивной политики на Балканах³⁵. Тогда игра стоила бы свеч! Вести эту игру приходилось осторожно, всё время прощупывая намерения Англии, и с этой целью то подталкивая своих союзников вперёд, то, наоборот, сдерживая их пыл. Уже первые шаги в этом направлении принесли немалое разочарование.

В начале ноября в ряде городов Турции снова начались армянские погромы. Курды, подстрекаемые правительственными агентами, устроили в Эрзеруме массовую резню армянского населения, а в Диарбекире турки устроили такую кровавую баню, которая потрясла даже выдавших виды иностранных представителей в Турции³⁶.

Кайзер тотчас же предпринял дипломатическую разведку в России: он запросил царя, как тот предполагает реагировать на эти события³⁷. Он явно рассчитывал втянуть петербургское правительство в отдельные переговоры³⁸. Царь холодно ответил, что все иностранные послы

³² G. P. Bd. X, № 2543. Маршалл — Гогенлоэ, 15 ноября 1895 года.

³³ Ibidem, № 2544. Сегени — Маршаллу, 17 ноября 1895 года. Ibidem, № 2545. Эйленбург — Гогенлоэ, 15 ноября 1895 года.

³⁴ Ibidem, № 2543, Маршалл — Гогенлоэ, 15 ноября 1895 года.

³⁵ 14 ноября 1895 г. Гогенлоэ сообщал Эйленбургу: «Его величество полностью согласен с тем, чтобы три державы, которые в 1887 г. согласились на поддержание статус кво на Востоке, приступили на основе этого соглашения к обмену мнений, чтобы заранее договориться, принимая во внимание современное положение. Германия будет находиться во втором ряду, позади этих трёх держав» (G. P. Bd. X, № 2542).

³⁶ Барон фон Заурма, германский посол в Турции, сообщал 11 ноября 1895 г.: «Сведения, которые вновь и вновь поступали сюда от очевидцев, таковы, что просто волосы поднимаются дыбом. Окрестности Эрзерума превращены в пустыню и в дымящиеся руины. Деревни частично горят ещё и по сей день. В Эрзеруме трупы, которых не успевают хоронить, просто выбрасывают на съедение собакам... Последняя резня в Диарбекире по началу превосходит всё, что в этом роде бывало здесь» (G. P. Bd. X, № 2547).

³⁷ G. P. Bd. X, № 2452. Вильгельм II — Николаю II, 8 ноября 1895 года.

³⁸ Ibidem, № 2455. Записка Гогенлоэ, 12 ноября 1895 года.

в Константинополе должны подумать, как предотвратить дальнейшее кровопролитие³⁹. В Берлине этот ответ расценили, как желание России уклониться от непосредственных переговоров с Германией⁴⁰, и в связи с этим там возникли подозрения (совершенно необоснованные), не собирается ли Россия воспользоваться событиями и самостоятельно выступить в вопросе о проливах. Одновременно в Берлине стало известно, что Голуховский готовит обращение к державам с предложением устроить совместную морскую демонстрацию путём посылки военных кораблей в Дарданеллы⁴¹. Такой же план возник и у итальянского правительства⁴².

Германское правительство не поддержало своих союзников, выжидая, чтобы Россия отклонила их план, и после этого заявило, что оно решило воздержаться от посылки военных судов в турецкие воды. Германская пресса единодушно приветствовала это решение и объясняла его тем, что Германия не преследует особых политических целей на Балканах. «Отношение Германии к армянским делам можно назвать почти нейтральным»⁴³, — сообщал в Петербург Остен-Сакен, русский посол в Берлине. Повидимому, он не подозревал, что скрывается за этой, для внешнего мира «почти нейтральной», позицией германского правительства. В действительности германская дипломатия повела за кулисами игру, весьма опасную для дела мира.

На предложение устроить морскую демонстрацию правящая верхушка в Берлине реагировала очень нервно. Участвовать в морской демонстрации Германия не могла по той простой причине, что она не имела поблизости внушительной эскадры, а отзывать корабли с Дальнего Востока было признано нецелесообразным⁴⁴: там подготавливались события, в которых германские корабли должны были принять самое активное участие. Вскоре, как и ожидали немцы, проект международной демонстрации отпал ввиду несогласия с ним России, но, по инициативе Гольштейна, германское правительство втайне заверило султана, будто оно отказалось от участия в демонстрации только из симпатии к нему⁴⁵.

Англичане, при помощи обычного в Турции бакшиша, узнали об этих тайных заверениях немцев и тотчас же сообщили о них в Вену и в Рим. Страшно сконфуженная этими разоблачениями, немецкая дипломатия пыталась изворачиваться⁴⁶, но ничто ей не помогло: австро-венгерское и итальянское правительства, не говоря уже об английском, поняли, что Германия начинает вести в Турции какую-то игру, противоречащую их интересам. Но это — ещё не всё и даже не самое главное.

Германское правительство считало, что Англия пользуется переговорами о возобновлении средиземноморской Антанты, чтобы подтолкнуть обоих своих партнёров — Австро-Венгрию и Италию — к выступлению в проливах, скомпрометировать их перед Россией и спровоцировать последнюю на войну против держав Тройственного союза. «Солсбери ведёт фальшивую игру»⁴⁷, — отметил Вильгельм. Это мнение ещё более

³⁹ G. P. Bd. X, № 2453. Николай II — Вильгельму II, 9 ноября 1895 года.

⁴⁰ Ibidem, № 2455. Записка Гогенлоэ, 12 ноября 1895 года.

⁴¹ Ibidem, № 2505. Эйленбург — ведомству иностранных дел, 11 ноября 1895 года.

⁴² Ibidem, № 2502. Бюлов — ведомству иностранных дел, 9 ноября 1895 года.

⁴³ Архив МИД, К. 17, л. 354. Депеша Остен-Сакена № 87. Берлин. 29 (17) ноября 1895 года.

⁴⁴ G. P. Bd. X, № 2513. Маршалл — Гогенлоэ, 16 ноября 1895 года, см. помету Вильгельма; № 2523. Заурма — ведомству иностранных дел, 19 ноября 1895 г., см. помету Вильгельма.

⁴⁵ Ibidem, № 2510. Маршалл — Заурма, 15 ноября 1895 года.

⁴⁶ Ibidem, № 2529. Маршалл — Бюлову, 21 ноября 1895 года.

⁴⁷ «Мне кажется, — писал Гогенлоэ, — что Англия всё более и более пятится назад и хочет впереди выставить Австрию, дабы она скомпрометировала себя перед Россией,

укрепилось, когда стало известно, что Солсбери придерживается той же тактики, какой придерживалось и германское правительство: уклоняется от ответа на предложения Голуховского, выжидает, пока оно будет отвергнуто Россией и Францией, — и после этого — совсем, как германское правительство! — собирается умыть руки и спокойно взирать на продолжающуюся в Турции резню армянского и вообще христианского населения⁴⁸.

Наконец, это мнение окончательно утвердилось, когда мать Вильгельма, бывшая английская принцесса, всё ещё поддерживавшая тесные связи с Сен-Джемским двором, стала неожиданно для своего сына проявлять повышенный интерес к положению армян в Турции. В беседе с Вильгельмом она предложила в целях спасения армян вручить России мандат от имени великих держав на вступление в Константинополь и в проливы. Сославшись на позицию Австро-Венгрии, Вильгельм отклонил это предложение. «Если австрийцы будут сопротивляться, — они будут ослами», — ответила ему императрица и тотчас же выложила новый план: Россия должна получить проливы («она имеет на то все права, ибо должна иметь выход для своей торговли»), а Австро-Венгрия может компенсировать себя в Албании, в Черногории, в Сербии и даже в Македонии, поскольку через эту область она получит свободный доступ в Салючки⁴⁹.

И Вильгельм и Гогенлоэ были убеждены, что этот план внушён императрице лордом Солсбери через королеву Викторю и что, как и все другие аналогичные проекты, исходящие из Лондона, он преследует только одну цель: натравить европейские державы друг на друга, чтобы Англии легче было вести захватническую политику в Африке. В специальной докладной записке Гогенлоэ сформулировал следующие выводы: «В интересах Тройственного союза при всех условиях необходимо, чтобы в вопросе о Дарданеллах Австро-Венгрия и Италия не определили своей позиции прежде, чем будет выяснена позиция Англии». Он исходил из того, что если вспыхнет по этому вопросу конфликт только между Австро-Венгрией (а возможно, и Италией), с одной стороны, и Россией, поддержанной Францией, — с другой, Германия будет поставлена «перед неприятной альтернативой либо оказать своим обоим друзьям (Австро-Венгрии и Италии. — А. Е.) военную поддержку либо считаться с перспективой, что после поражения Австрии и Италии победившая франко-русская группировка направит всё своё внимание на оставшуюся в изоляции Германию». Гогенлоэ видел задачу германской дипломатии в том, чтобы избежать этой альтернативы, т. е. предотвратить опасность войны, которая могла вспыхнуть на Ближнем Востоке. Это вовсе не значит, что германское правительство, военщина и вообще правящие классы были противниками войны между союзниками Германии и Россией. Напротив, они были сторонниками этой войны, ибо видели в ней средство для осуществления своих широких политических целей⁵⁰. Сторонником войны был и Гогенлоэ, но, так же

довести дело до войны, нас тоже втянуть в неё, а затем с удовлетворением со своего флота взирать на неё. Голуховский — человек, которого можно на это поймать. Его жажда деятельности и его польская ненависть к России ведут его к этому» (Hohenlohe. Op. cit., S. 122).

⁴⁸ G. P. Bd. X, № 2525. Гатцфельд — ведомству иностранных дел, 20 ноября 1895 года. См. Hohenlohe. Op. cit., S. 122—123.

⁴⁹ G. P. Bd. X, № 2463. Вильгельм II — Гогенлоэ, 21 ноября 1895 г.; Hohenlohe. Op. cit., S. 123.

⁵⁰ В середине ноября 1895 г., как раз тогда, когда германская дипломатия закулисно стремилась использовать армянский вопрос, чтобы вызвать войну без своего участия в ней, граф Вальдерзее, командующий IX армейским корпусом, написал в свой дневник: «Если последует действительно крупное восстание христианского населения (в Турции. — А. Е.) — пока в этом принимают участие, кажется, только армяне, — то все различные интересы держав выступают на передний план, и тогда европейская война станет неизбежной — самое лучшее, что может для нас случиться. Умная немецкая политика

как и другие, только при условии, чтобы и Англия сочла необходимым воевать против России вместе с Австро-Венгрией и Италией⁵¹. Только в этом германская дипломатия видела смысл возрождения средиземноморской Антанты. В противном случае она усматривала в ней лишь попытку Солсбери «защищать интересы Англии без участия Англии»⁵² и считала необходимым сорвать этот план. Вот почему она усилила контроль над переговорами, которые её союзники вели в Лондоне, и в то же время подчёркнуто не вмешивалась в их ход.

В самом конце ноября эти переговоры снова оживились. Солсбери счёл нужным возбудить в Вене надежду, что Англия на случай войны с Россией готова заключить с Австро-Венгрией и её союзниками тесное соглашение или даже подобие формального союза. Об этом самым доверительным образом поведал немцам австро-венгерский посол в Лондоне граф Дейм⁵³. Это снова вызвало в Берлине надежду и настоятельность. Германская дипломатия не теряла надежды, что ход событий приведёт к конфликту между Россией и Англией, на основе их соперничества в Европе и в особенности в Азии. Она считала этот конфликт неизбежным и для германского империализма крайне выгодным. Но она понимала, что если эти её надежды и связанные с ними планы будут раскрыты в Лондоне или в Петербурге, это крайне затруднит её игру на противоречиях между Россией и Англией. Поэтому заранее было решено не мешать союзникам договариваться с Англией, однако, прямое участие Германии в этих переговорах признано было «столь же ненужным, сколь и непрактичным». «Ненужным потому, — пояснял Маршалл, — что граф Голуховский, как явный враг России, всё равно не упустит любой возможности, которую можно было бы использовать для соглашения с Англией; непрактичной потому, что в роли посредника между Англией и Австрией мы должны будем выступить на передний план больше, чем это позволяет нам наша общая политика»⁵⁴.

В это время «общая политика» германского империализма развивалась под знаком первых острых столкновений с Англией. В этих условиях германская дипломатия не могла быть подходящим маклером в переговорах между своими союзниками и своими противниками — в переговорах о возобновлении средиземноморской Антанты. Лондонские переговоры и без того протекали в атмосфере несогласованности австро-венгерской и итальянской дипломатии и всеобщего недоверия. Австрийская и итальянская дипломатии не доверяли друг другу, считая, что каждая из них слишком охотно обо всём информирует Берлин. Германская дипломатия не доверяла своим обоим союзникам, считая, что каждая из них слишком охотно обо всём информирует Лондон. Английская дипломатия не доверяла своим обоим партнёрам — австро-венгерской и итальянской дипломатии, — считая, что за их спиной может действовать их германский союзник. Германская дипломатия не доверяла своим обоим союзникам, считая, что за их спиной может действовать её английский противник. Убедившись в том, что Солсбери ведёт двойную игру, она настойчиво рекомендовала итальянскому и в особенности австро-венгерскому правительствам не доверять Англии и не связываться больше в переговоры с ней. Маршалл убеждал Голуховского, что Англия только тогда вяжется в открытую борьбу против России, когда увидит, что никто за неё эту борьбу вести не собирается, и поэтому

имела бы тогда, как и вообще теперь, самые большие шансы». Вальдерзее сожалел, что этот превосходный германский план разжигания войны расстраивается ввиду нежелания России воевать Alfred graf von Waldersee Denkwürdigkeiten, Zweite Band, Stuttgart und Berlin. 1925, S. 361.

⁵¹ G. P. Bd. X, № 2464. Гогенлоэ — Вильгельму II, 22 ноября 1895 года.

⁵² Ibidem, № 2547. Маршалл — Гатцфельду, 20 ноября 1895 года.

⁵³ G. P. Bd. X, № 2553. Маршалл — Эйленбургу, 2 декабря 1895 года.

⁵⁴ Ibidem.

самое лучшее, что участники Тройственного союза в данном случае могут делать, — это ничего не делать. Он призывал положиться на «ход событий», который неизбежно приведёт к конфликту между Англией и Россией⁵⁵.

Эти призывы германской дипломатии никакого впечатления в Вене не произвели. Однако они свидетельствовали о том, как значительны стали расхождения между Германией и Австро-Венгрией по вопросу об отношении к Англии. В Берлине уже не верили в успех лондонских переговоров и считали их опасными. В Вене, наоборот, всё ещё не теряли надежды относительно результатов этих переговоров и считали их выгодными. При всём том германская и австрийская дипломатия исходили из одной общей презумпции: каждая из них верила в неизбежность столкновения между Англией и Россией. Как только эта презумпция обнаружила свою шаткость, и германская и австрийская дипломатии должны были снова пересмотреть свои позиции.

17 декабря 1895 г. русский посол в Берлине граф Остен-Сакен в беседе с Маршаллом как бы невзначай сказал, что английское правительство предложило России вступить в переговоры об установлении англо-русского кондоминиума в Константинополе⁵⁶. И хотя он добавил, что в Петербурге наотрез отказались вести эти переговоры, его сообщение произвело на Маршалла сильное впечатление⁵⁷. Тотчас же Маршалл обратился в Лондон за объяснениями. Ещё накануне он мечтал о том, какие блестящие перспективы откроются перед Германией, если между Англией и Россией вспыхнет война. Теперь, ссылаясь на исторические прецеденты, он пугал Англию тем, что кондоминиум неизбежно приведёт к войне с Россией, и призывал отказаться от этого плана. Ещё накануне он предупреждал Австро-Венгрию, что нельзя верить уговорам Англии. Теперь он доказывал Англии, что своей политикой она может вызвать только нежелательные подозрения со стороны Австро-Венгрии. Более того: он предупреждал Англию, что если она ищет соглашения с Россией, её политика будет находиться в противоречии с её обязательствами как участника средиземноморской Антанты 1887 года⁵⁸. А ведь только что он убеждал другого участника — Австро-Венгрию, — что на Англию ни при каких обстоятельствах рассчитывать не следует. Ясно, что Маршалл испугался англо-русского соглашения по балканским делам и старался его не допустить.

Но Вильгельм испугался ещё больше. Встретив английского военного атташе полковника Суэйна, он в обычном для него возбуждённом и вызывающем тоне начал ругать английскую внешнюю политику, называя её «фарсом» и т. д. При этом он сказал Суэйну, что в переговорах с Австро-Венгрией по балканским делам он дал согласие на её сближение с Англией «только при условии, если Англия открыто сообщит свои планы, перейдёт к серьёзным действиям и предоставит поддерживающим её в этом державам положительные гарантии»⁵⁹.

Таким образом, кайзер выболтал тайну австро-германских переговоров по вопросу об отношении к Англии. Гольштейн пришёл в ярость: он

⁵⁵ G. P. Bd. X, № 2565. Маршалл — Эйленбургу, 19 декабря 1895 года.

⁵⁶ Ещё в начале ноября Остен-Сакен получил «из кругов, близких к английским правящим сферам», конфиденциальную информацию, о которой он сообщил в Петербург следующее: «Ныне, более чем когда-либо, сенджемский кабинет имел бы случай заручиться возможностью осуществления своих скрытых видов на Египет, идя в балканских делах рука об руку с Россией. Дряхлость Оттоманской империи и несостоятельность положения вещей в Константинополе могли бы явиться желанным поводом к окончательному решению вековых вопросов о проливах и преобладающем влиянии на Босфоре и в Египте обеих наиболее заинтересованных в этих сферах держав, т. е. России и Англии» (Архив МИД, К. 17, л. 344. Делеша Остен-Сакена № 84, Берлин, 7 ноября (26 октября) 1895 года.

⁵⁷ G. P. Bd. X, № 2570. Записка Маршалла, 17 декабря 1895 года.

⁵⁸ Ibidem, № 2571. Маршалл — Гатцфельду, 19 декабря 1895 года.

⁵⁹ Ibidem, № 2572. Вильгельм II — Гогенлоз, 20 декабря 1895 года.

понял, что своим непрошеным вмешательством кайзер испортил всю его игру вокруг вопроса о возобновлении средиземноморской Антанты. Тотчас же он потребовал, чтобы Гогенлоэ «устроил кайзеру скандал»⁶⁰, так как заявление кайзера не было согласовано с ведомством иностранных дел. Но Гогенлоэ не решился на это. Положение стало совсем конфузным, когда Солсбери и Лобанов, почти одновременно, категорически опровергли слухи о планах англо-русского condominiuma в Константинополе. Теперь пришёл в ярость кайзер: «Я не допущу, чтобы со мной так обращались впредь. Или Лобанов или Солсбери,—кто-то из них нагло обманул меня,—и я этого не потерплю»⁶¹. Но что он мог поделать?

Этот инцидент не прошёл бесследно. Заверения, полученные из Лондона и из Петербурга, указывали, что нет оснований опасаться сближения или соглашения между Россией и Англией. «Факты таковы,—писал Маршалл,—что на протяжении всей линии от Скутари до Кореи... Англия всегда выступает в качестве противника русских интересов»⁶². Казалось бы, можно было продолжать начатую Гольштейном игру, и Маршалл по инерции действительно продолжал её. В беседе с английским послом Ласцеллем он, по существу, солидаризировался со всем тем, что в столь резкой форме Вильгельм высказал полковнику Суэйну. Он подтвердил, что переговоры, которые Англия ведёт в Лондоне с обоими германскими союзниками, не внушают германской дипломатии доверия к ней. И тут же добавил: «Я знаю, что и Англия нам не доверяет и подозревает, что мы теперь проводим русскую политику. Это подозрение ни на чём не основано; между нами и Петербургом нет ничего, что мы должны были бы скрывать». После этого Маршалл начал рассыпаться в заверениях, что Германия будет приветствовать, если Англия действительно серьёзно договорится с Австро-Венгрией, а также с Италией «на основе строго паритетных связывающих обязательств»⁶³. Через день он послал Эйленбургу инструкции заверить австро-венгерское правительство, что Германия самым доброжелательным образом относится к переговорам держав—участниц средиземноморской Антанты⁶⁴. Но из этого следует, что германской дипломатии в момент обострения её отношений с Англией не удалось по делам Ближнего Востока скрыться за спиной своих союзников. С перепугу она заговорила — и притом полным голосом. После этого Гольштейн продолжать свою игру уже не мог. Но Голуховский, до которого также дошли слухи об английских предложениях России по поводу condominiuma, сделал свои выводы. Он сказал Эйленбургу: «Эта история, о сущности которой мы никогда не узнаем, убеждает меня в том, что новый accord a trois нужно заключить только так, чтобы Англия была абсолютно связана»⁶⁵. И с новой энергией он пытался ускорить переговоры о соглашении с Англией. Но тут его постигло полное разочарование.

Когда в конце декабря 1895 г. Гогенлоэ приехал в Вену, он застал там в правительственных кругах сильное возбуждение. Голуховский был озабочен ростом славянского движения на Балканах, в особенности в Македонии, и задумывался над тем, какие меры должен предпринять турецкий султан, «чтобы возможное революционное движение было немедленно подавлено». Он рассказал Гогенлоэ о своих планах заключения новой средиземноморской Антанты на условиях более твёрдых обязательств со стороны Англии и обещал держать германское правительство в курсе лондонских переговоров. Гогенлоэ заметил, что он

⁶⁰ Hohenlohe. Op. cit., S. 145.

⁶¹ G. P. Bd. X, № 2574. Маршалл — Вильгельму II, 23 декабря 1895 года. Помета Вильгельма на полях документа.

⁶² Ibidem, № 2569. Маршалл — Эйленбургу, 23 декабря 1895 года.

⁶³ G. P. Bd. X, № 2573. Записка Маршалла, 21 декабря 1895 года.

⁶⁴ Ibidem, № 2569. Маршалл — Эйленбургу, 23 декабря 1895 года.

⁶⁵ Ibidem, № 2576. Эйленбург — ведомству иностранных дел, 26 декабря 1895 года.

сомневается в успехе этих переговоров. Но когда Голуховский снова вернулся к теме о Константинополе, Гогенлоэ холодно возразил, что не понимает его беспокойства, поскольку Австро-Венгрия может компенсировать себя некоторыми территориями за счёт Турции. Во всяком случае, заявил Гогенлоэ, вопрос о Константинополе — недостаточное основание, чтобы вызвать из-за этого европейскую войну. С императором Францем-Иосифом, который в то время сильно поддавался влиянию сторонников войны с Россией, германский рейхсканцлер говорил в ещё более определённом тоне: он прямо заявил ему, что Германия, зажатая между тисками франко-русского союза, не будет воевать из-за Константинополя. Повидимому, это было сказано настолько категорически и внушительно, что император поспешил заверить о своих стремлениях сделать всё возможное для сохранения добрых отношений с Россией⁶⁶. Гогенлоэ уже знал, что в самом австро-венгерском правительстве имеются по этому вопросу серьёзные разногласия: два члена правительства (министр-президент и военный министр) не считали возможным воевать с Россией, и даже Голуховский заколебался, хотя и скрывал это от своих германских союзников⁶⁷. Как бы то ни было, заявление Гогенлоэ было ушатом холодной воды для Голуховского и его партии, стремившейся вовлечь Германию на путь активной политики против России. Разуверившись в том, что удастся вовлечь в эту борьбу в первую очередь Англию, Гогенлоэ отказался поддержать политику Голуховского на Балканах, предлагая стать на путь «компенсаций» за счёт славянских территорий. Это было в те дни, когда из Южной Африки уже поступали сигналы о назревающем кризисе. В таких условиях германская дипломатия не могла участвовать в провоцировании кризиса и на Ближнем Востоке. Вернувшись к исходным позициям, она отказалась обещать своей австро-венгерской союзнице поддержку против России. Когда кризис вспыхнул, Австро-Венгрия отплатила Германии той же монетой: она не поддержала её против Англии. Голуховский даже поставил себе в заслугу то, что он не выступает в защиту английских интересов, т. е. не выступает против Германии⁶⁸. Так далеко зашли расхождения между Германией и её австро-венгерской союзницей.

Политические трещины, вскрывшиеся между державами Тройственного союза, не только не сгладились, но, наоборот, стали ещё более значительными после того, как трансваальские события впервые обнаружили всю остроту англо-германского антагонизма. В центре политических расхождений продолжал стоять вопрос об отношении к Англии и к России. В конце января 1896 г., как раз в те дни, когда германская дипломатия всё ещё хлопотала об осуществлении голштейновских планов континентальной лиги, направленной против Англии, австро-венгерское и итальянское правительства снова подняли вопрос о соглашении с Англией. Это свидетельствовало о том, что в данном важнейшем политическом вопросе общие цели у союзников вообще отсутствовали. Италия стремилась изменить в более благоприятную для себя сторону позицию Англии по абиссинскому вопросу. Австро-Венгрия добивалась направленного против России соглашения с Англией по восточному вопросу. Германия же стремилась объединить вокруг себя не только своих союзников, но и континентальных противников, чтобы изолировать Англию и заставить её идти на широкие уступки в колониальных вопросах. И тем не менее в день возобновления лондонских

⁶⁶ Hohenlohe. Op. cit., S. 145—147.

⁶⁷ G. P. Bd. X, № 2568. Эйленбург — ведомству иностранных дел, 23 декабря 1895 года.

⁶⁸ Ibidem, № 2608, примечание. Эйленбург — ведомству иностранных дел, 4 января 1896 года.

переговоров о дальнейшей судьбе средиземноморской Антанты Гогенлоэ писал, что германское правительство «в этом вопросе признаёт за своими друзьями по Тройственному союзу полную свободу действий»⁶⁹. Разумеется, это вовсе не означало, что Германия выпустила поводья из своих рук и предоставила своим союзникам действовать так, как они сами считали нужным. Наоборот, она пристально следила за ходом переговоров с Англией и даже влияла на их течение. Но она считала необходимым делать это исподтишка⁷⁰, заранее подготовив себе такое положение, при котором любой исход был бы ей выгоден. В результате постоянного давления и угроз она добилась, что Голуховский и Криспи, снова начиная переговоры с Англией, на сей раз поставили вопрос уже не просто о возобновлении средиземноморской Антанты 1887 г., а о превращении её в более прочную политическую группировку на основе твёрдых и точных обязательств каждого из её участников⁷¹. Если бы переговоры закончились успешно, основная цель германской дипломатии — использовать своих союзников, чтобы втравить Англию в войну против России, — была бы достигнута. Но немцы уже по настоящему не верили в успех этого предприятия. В тот период их политика была поэтому полна мельчайших колебаний между ещё тлеющими надеждами и серьёзными опасениями: надеждами на то, что может быть, всё-таки удастся столкнуть Англию с Россией, и опасениями, что Австро-Венгрия будет сама вовлечена в это столкновение с Россией и тогда потащит за собой и Германию, которой придётся воевать на два фронта. Эти настроения не ускользнули от правящих сфер Вены. Барон Бек, начальник австро-венгерского генерального штаба, в беседе с Эйленбургом заметил, что позиция Германии оставляет двойственное впечатление; с одной стороны, она «хотела бы австро-английского соглашения, с другой — этому желанию диаметрально противостоит отношение Германии к Англии»⁷². Повидимому Бек, как и очень значительная часть

⁶⁹ Предшествовавшие этому переговоры между Австро-Венгрией и Италией снова обнаружили глубокое недоверие, которое итальянское правительство питало к обоим своим союзникам. Переоценивая стремление Германии к улучшению отношений с Россией, итальянский премьер Криспи опасался, что Германия может заставить вступить на этот путь и Австро-Венгрию. Это означает, что он всерьёз принял угрозы Гогенлоэ и испугался, что Германии удастся восстановить старую комбинацию Союза трёх императоров (германского, русского и австрийского) и, таким образом, полностью изолировать Италию. Поскольку политика Австро-Венгрии оставалась враждебной России, а последняя вовсе не собиралась ради сближения с Германией отказаться от союза с Францией, эта комбинация не имела никаких реальных оснований. Тем не менее итальянская дипломатия всерьёз считалась с возможностью её создания, и в возрождении средиземноморской Антанты она видела одну из гарантий перестраховки в этом отношении. Так велико было недоверие итальянского правительства к Германии и к Австро-Венгрии. Опул. Ludwig Israel England und der Orientalische Dreiecksbund Anhang. Aus den Akten des auswärtigen Amtes. № 8. См. G. P. Bd. X, № 2660. Гогенлоэ—Гатцфельду, 23 января 1896 года.

⁷⁰ 23 января 1896 г., в день возобновления лондонских переговоров, в «Таймс» появилась корреспонденция из Рима, довольно подробно разоблачавшая деятельность германской дипломатии осенью 1895 г., когда она стремилась пустить в ход Австро-Венгрию, Италию и Англию против России. В этой связи Маршалл дал указание соблюдать особую осторожность, чтобы Германия снова не оказалась скомпрометированной. G. P. Bd. X, № 2661. Маршалл — Гатцфельду, 25 января 1896 года.

⁷¹ Dietrich R. England und Italien, 1887—1902. Historische Vierteljahrsschrift. XXIX Jahrgang, 4 Heft, S. 784 ff. На этой стадии переговоров более активной была Италия. Находясь в крайне тяжёлом положении в связи с военными неудачами в Абиссинии, она так настойчиво добивалась тесного соглашения с Англией, что переговоры с последней начались по немецкому образцу, с каких-то, впрочем, довольно неопределённых угроз. В случае, если Англия не пойдёт на соглашение, — писал Бланк, — Италия, не изменяя основ Тройственного союза, установленных на случай войны, должна будет вступить в переговоры с Германией и Австро-Венгрией о новой ориентации Тройственного союза, «дабы между нашими интересами на Востоке, от которых далеко отстоит Германия, и нашими интересами в Африке, от которых далеко отстоит Австрия, не исчезло бы посредствующее звено, которое установлено было в соглашении 1887 г. и которое разрушено было сопротивлением Англии». Опул. Ludwig Israel Op. cit.

⁷² G. P. Bd. XI, № 2670. Эйленбург — Вильгельму II, 31 января 1896 года.

австрийских военных кругов, не был большим сторонником союза с Англией. Тем более его интересовал вопрос, при каких условиях Австро-Венгрия может рассчитывать на активную военную поддержку Германии. С этой целью он неоднократно пытался установить контакт с начальником германского генерального штаба генералом Шлиффеном.

Отношения между германским и австро-венгерским генеральными штабами были в то время довольно натянутыми. Они испортились ещё в 1895 г., когда Шлиффен разработал такой план стратегического развёртывания на Востоке, который предусматривал в первую очередь оборону Восточной Пруссии и наступление германских войск в направлении на Нарев. Австро-венгерская армия, подчиняясь стратегическим интересам Германии, должна была расширить свой левый фланг до самой прусской Силезии. Но Бек отклонил этот план. Он опасался, что его армия, выполняя план Шлиффена, поставит под удар русских войск свой фланг в Восточной Галиции. Переговоры между начальниками генеральных штабов затянулись до конца года. Бек предлагал свои варианты, но Шлиффен с высоты своего прусского величия их просто игнорировал. На одном совещании, где Бек доказывал преимущества своего плана, Шлиффен заснул⁷³.

В начале 1896 г., в связи с лондонскими переговорами об условиях возрождения средиземноморской Антанты, отношения между германским и австро-венгерским генеральными штабами ещё более испортились. Прежде, чем принять окончательное решение по ходу этих переговоров, Бек решил ознакомиться со взглядами Шлиффена по этому вопросу. Это было нелегко. Шлиффен прислал письмо, короткое и сухое по форме и, по словам Бека, «неуловимое и сверхосторожное по содержанию». Бек пришёл к выводу, что в правящих кругах Германии всё ещё «господствует известная неопределённость относительно политической позиции». Между тем лондонские переговоры продолжались. Франц-Иосиф и Голуховский всё ещё настаивали на том, что в случае появления России в проливах Австро-Венгрия тотчас же должна начать против неё войну. Узнав об этом, Эйленбург обратился к Беку с вопросом: можно ли надеяться, что Англия возьмёт на себя обязательство самой сделать первый выстрел? Бек ответил уклончиво. Тогда Эйленбург заявил ему, что Германия не будет считать для себя возможным начинать войну против России из-за проливов и даже не будет считать возможным провести мобилизацию. Он напомнил, что позиция Германии в случае австро-русской войны будет определяться прежней формулой: невмешательство в конфликт, пока не будет создана угроза «великодержавному положению Австрии». Это заявление не удовлетворило Бека. Ему нужны были не расплывчатые дипломатические формулы, а точные военные гарантии. Он снова запросил Шлиффена, при каких конкретных условиях Германия будет считать, что её союзные обязательства в отношении к Австро-Венгрии вступают в силу⁷⁴. От ответа Шлиффена в значительной степени зависела дальнейшая политика Австро-Венгрии и даже политика всего Тройственного союза по восточному вопросу.

Запрос Бека был рассмотрен в Берлине на совещании, в котором приняли участие всего только два человека — Гогенлоэ и Шлиффен. Рассмотрев все аспекты проблемы, они пришли к выводу, что любой ответ Беку таит для Германии большие опасности — военные и дипломатические. Военные опасности, считали они, возникают потому, что активная поддержка Австро-Венгрии на Балканах вовлечёт Германию в войну на два фронта: против России, а также против Франции, — а открытый отказ от этой поддержки морально разоружит Австро-Венг-

⁷³ Seyfert. G. Die militärischen Beziehungen zwischen den deutschen und österreich-ungarischen Generalstäben», S. 41—42. 1934.

⁷⁴ G. P. Bd. XI, № 2670. Эйленбург — Вильгельму II, 31 января 1896 года.

рию и повергнет её в пессимизм. Дипломатические опасности, по их мнению, заключались в том, что если бы Германия вступила с Австро-Венгрией в военные переговоры по вопросу об условиях будущей войны против России из-за проливов, — венский кабинет использовал бы это в переговорах с Англией, которая «со своей стороны не преминула бы обо всём сообщить в Петербург»⁷⁵. Так велики были в Берлине недоверие к Австро-Венгрии, неприязнь к Англии и страх перед Россией. Шлиффен и Гогенлоэ пришли к выводу, что самый лучший ответ, который они могут дать Беку, — это не давать никакого ответа. Одновременно германская пресса, несомненно, по указанию свыше, усилила критику английской политики и, наоборот, стала положительно оценивать русскую политику в армянском вопросе⁷⁶.

В начале февраля австро-венгерский посол в Лондоне граф Дейм предложил Солсбери заключить соглашение, по которому Англия должна была взять на себя борьбу против России в проливах, а Австро-Венгрия — в Болгарии. Одновременно итальянский посол в Лондоне генерал Ферар предложил Солсбери сотрудничество в восточном вопросе взамен поддержки, которую Англия должна была бы предоставить Италии в Африке. Солсбери отнёсся к обоим предложениям сначала сдержанно, а затем прямо отрицательно⁷⁷. Возможно, некоторую роль в этом сыграло то обстоятельство, что свои предложения заключить твёрдое соглашение против России Австро-Венгрия не могла подкрепить точной военной гарантией со стороны германского генерального штаба. Только спустя более двух недель (24 февраля 1896 г.) Голуховский, крайне сконфуженный своей неудачей, решился формально известить своих германских союзников о провале лондонских переговоров. Повидимому, получив от Солсбери отказ, он не успокоился и сделал ещё несколько попыток добиться соглашения с Англией, но столь же неудачно. Когда Эйленбург спросил его, следует ли считать отказ Англии окончательным, он огорчённо ответил: «Теперь совершенно окончательным»⁷⁸. Солсбери одобрил свой отказ обещанием в будущем вести политику сотрудничества с Австро-Венгрией и Италией, но в данном случае это дела не меняло. Средиземноморская Антанта была мертва. Германская дипломатия более чем легко примирилась с этим. В 1887 г. она в немалой степени способствовала возникновению этой группировки, теперь, спустя девять лет, она в немалой степени способствовала её ликвидации. И для Англии и для Германии существование средиземноморской Антанты потеряло всякий смысл: первая убедилась, что

⁷⁵ G. P. Bd. XI, № 2672. Гогенлоэ — Эйленбургу, 5 февраля 1896 года.

⁷⁶ Архив МИД. К. 19, л. 14. Делегация Остен-Сакена № 5: Берлин, 9 февраля (20 января) 1896 года.

⁷⁷ British Documents on the Origins of the World War 1898 — 1914, London, vol. VIII, № 1 (f), № 1 (g). G. P. Bd. X, № 2663. Гатцфельд — ведомству иностранных дел, 3 февраля 1896 г. № 2664. Гатцфельд — Гогенлоэ, 8 февраля 1896 года. Рассмотрение мотивов, определивших этот ответ Солсбери, не входит в нашу задачу. Отметим только, что внимание английского империализма в это время было приковано к Южной Африке, где его соперницей была Германия, и к Египту, где его соперницей была Франция. Отметим также, что хотя английская пресса продолжала вести кампанию против России, среди некоторых влиятельных кругов английских империалистов, возмущённых политикой Германии, как раз в это время стали появляться настроения в пользу сближения с Россией. «Сам» Чемберлен, министр колоний, любивший вмешиваться в дела внешней политики, заявил русскому послу, что он горячо желал бы посвятить свои усилия устранению соперничества между Англией и Россией и достижению между ними соглашения. В таком же духе, но более осторожно высказывался и Бальфур, один из наиболее влиятельных членов кабинета, племянник Солсбери (Архив МИД. К. 128, л. 355. Совершенно секретное письмо Стааля Лобанову-Ростовскому, Лондон. 19 (7) февраля 1896 г.). Ещё большее значение имели общие традиции британской дипломатии, избегавшей каких бы то ни было обязательств, которые затрудняли бы ей игру на противоречиях между континентальными державами.

⁷⁸ G. P. Bd. XI, № 2669. Эйленбург — ведомству иностранных дел, 24 февраля 1896 года.

ей теперь не удастся при помощи этой Антанты вести войну против России руками Тройственного союза, а вторая убедилась, что ей теперь не удастся при помощи своих союзников столкнуть Англию с Россией. Окончательный крах средиземноморской Антанты открыл перспективы для улучшения отношений между Австро-Венгрией и Россией. Разрабатывая обширные планы дальневосточной политики, царская дипломатия склонна была по балканским делам искать соглашения с Австро-Венгрией. Князь Лобанов-Ростовский при встречах с влиятельным Эйленбургом не раз говорил, что балканские государства нужно «предоставить самим себе». Граф Капнист, русский посол в Вене, пытался рассеять недоверие австро-венгерских правящих кругов к русской политике и расчистить путь к соглашению по балканскому вопросу. Но Голуховский пока и слушать не хотел о соглашении с Россией. Он говорил Эйленбургу: «Несомненно придёт время, когда Англия снова будет нуждаться в сближении с нами»⁷⁹.

Среди узкого круга посвящённых был в Германии один человек, который полностью разделял эти взгляды Голуховского. То был Гольштейн. Он считал, что настанет день, когда Англия, ведя борьбу против России, действительно будет нуждаться в соглашении с Австро-Венгрией, и что нужно поддерживать в Вене эти надежды⁸⁰. Но за этим совпадением взглядов Гольштейна и Голуховского уже обозначались глубокие политические расхождения союзных держав — Германии и Австро-Венгрии. Голуховский не хотел отказаться от антирусского курса своей политики, усматривая в этом необходимое условие порабощения славянских народов. Его ближайший сотрудник граф Вельзерсгеймб оправдывал этот курс следующими аргументами: «Русские успехи в восточной политике повлияли бы в большей степени и на австрийских славян, которые преимущественно в России усматривают покровителя их политических целей»⁸¹. Правящие классы Германии ненавидели славян и вовсе не хотели бы, чтобы антиславянская политика Австро-Венгрии в какой-либо степени была ослаблена. Наоборот, они рекомендовали в Вене усилить эту политику не только в пределах двуединой монархии, но и в тех областях за её южными границами, которые населены были компактным славянским элементом. Гогенлоэ считал даже, что не будет ничего опасного для внутреннего положения монархии, если она «компенсирует» себя за счёт некоторых из этих областей, однако при непременном условии предварительной договорённости с Россией⁸². В этом вопросе Гольштейн не шёл так далеко. Он не предлагал Австро-Венгрии никаких «компенсаций» за счёт славянских областей на Балканах. Но он требовал, чтобы Австро-Венгрия, пока она не имеет твёрдого договора с Англией, не вела своей политики в духе, открыто враждебном России. Такая политика, — считал он, — превратила бы двуединую монархию в буфер между Россией и Англией⁸³. Между тем в своей общей схеме европейской политики Гольштейн предназначал Австро-Венгрии другую роль. Убеждённый в непреодолимости противоречий между Англией и Россией, он хотел бы, чтобы Германия, ведя крупную игру на этих противоречиях, могла использовать свою союзницу как одну из фигур на шахматной доске.

Но правящие круги Австро-Венгрии всё ещё рассчитывали играть самостоятельную роль. Отказ Англии возобновить средиземноморскую Антанту вызвал в Вене разочарование, а роль, которую сыграла в этом Германия, вызвала там сильное негодование. В конце февраля Вельзерс-

⁷⁹ G. P. Bd. XI, № 2669. Эйленбург — ведомству иностранных дел, 24 февраля 1896 года.

⁸⁰ G. P. Bd. XI, № 2665. Записка Гольштейна, 16 февраля 1896 года.

⁸¹ Ibidem. № 2673. Записка Лихновского, 29 февраля 1896 года.

⁸² Hohenlohe. Op. cit., S. 145.

⁸³ G. P. Bd. XI, № 2665. Записка Лихновского, 16 февраля 1896 года.

геймб, пригласив к себе молодого германского дипломата Лихновского (он замещал часто отсутствовавшего Эйленбурга), раздражённо спросил его, к чему ещё существует союз между Германией, Австро-Венгрией и Италией, если «особые интересы каждого участника Тройственного союза стали слишком расходиться в разные стороны?». Италия как союзник приносит только заботы, но не пользу. Германия занята теперь своими трансваальскими и другими колониальными делами и, таким образом, отталкивает Англию не только от себя, но и от своих союзников. Австро-Венгрии безразлично, кому будет принадлежать Эльзас-Лотарингия. «So?!» («Вот как?!») — написал Вильгельм против этих слов на полях донесения. Теперь, — продолжал Вельзерсгеймб, — с германской стороны «проповедуют», чтобы Австро-Венгрия избегала конфликтов с Россией и искала с ней соглашения. Это значит, что Германия не желает считаться с коренными интересами своей союзницы. Более того, она подрывает основы австро-германского союза, который может существовать только как союз, направленный против России. «Австро-венгерская политика, — заявил Вельзерсгеймб, — должна преследовать ясно выраженные позитивные цели и заставить больше считаться со своим значением». «Это значит, что Голуховский хочет стать Бисмарком!» — иронически отозвался Вильгельм. В заключение Вельзерсгеймб прямо поставил вопрос: в чём будет заключаться союзная помощь Германии, когда Австро-Венгрия, осуществляя свои «позитивные цели» на Востоке, вступит в конфликт с Россией?⁸⁴

Получив этот запрос, германские правители поняли, что и по тону и по содержанию своему он продиктован Голуховским. Они не привыкли выслушивать от своих союзников такие речи, полные обвинений, угроз и требований. Они считали это своей привилегией. И они решили дать австро-венгерскому правительству такой отпор, который надолго запомнился бы ему. Гогенлоэ сообщил в Вену, что германское правительство категорически отказывается от распространения своих союзных обязательств на «позитивные цели» австро-венгерской политики на Балканах. Он настаивал, чтобы Австро-Венгрия искала пути к некоторому сближению с Россией. Более того, он заявил, что если Австро-Венгрия считает предложенный ей путь неприемлемым, если она ещё ищет союза с Англией, а в политике Германии усматривает препятствия к этому союзу, то германское правительство может вообще освободить её от всяких союзных обязательств⁸⁵. Накануне истечения срока Тройственного союза это звучало как угроза невозобновления союзного договора. Германская дипломатия действовала тут наверняка: она уже знала, что Англия не собирается брать на себя какое-либо обязательство перед Австро-Венгрией, и не сомневалась в том, что последняя, напуганная перспективой остаться одинокой против России, не посмеет разорвать узы Тройственного союза. Но она выбрала момент, чтобы унизить Австро-Венгрию и заставить её отказаться от попыток вести самостоятельную политику.

⁸⁴ G. P. Bd. XI, № 2673. Anlage. Записка Лихновского, 29 февраля 1896 года.

⁸⁵ Ibidem, № 2676. Гогенлоэ — Эйленбургу, 5 марта 1896 года. См. № 2674. Записка Гогенлоэ, 2 марта 1896 г.; № 2675, Гогенлоэ — Вильгельму II, 4 марта 1896 года.